к новому денотату пропорции обратны: расширение содержания и сужение объема понятия, что находит свое выражение в дополнительной информации об обозначаемом предмете, а значит, и его конкретизации.

В значении ФЕ находит языковое выражение не только диалектическая взаимосвязь абстрактного и конкретного, но и отражается единство рационального и чувственного познания действительности в человеческом мышлении. Данное единство обуславливает специфику фразеологического значения, которое одновременно содержит и логическую информацию о предмете (концептуальное значение), и наглядное представление о нем (денотативное значение), выражает его оценку и отношение к нему (коннотативное значение). Эта совокупность всех аспектов значений делает возможным познать вещь (множество) во всем многообразии проявлений ее признаков, свойств, связей и отношений. Именно в одновременном раскрытии многих сторон внеязыкового объекта (в нашем примере это определение конфигурации, состава, пространственной и временной протяженности и т. д. множества, дополненное яркой экспрессивностью и шутливостью оценки) обнаруживается качественное отличие семантики фразеологизма. В сравнении со словом **много**, содержащим лишь понятийный элемент смысла, упомянутая выше ФЕ характеризует понятие неопределенно большого количества с различных сторон, а следовательно, с большей степенью конкретности. И эту конкретность мы связываем с отражением в семантике ФЕ новой, качественно отличной ступени познания мира.

¹ Так, например, Х. Касарес, подчеркивая важность учета интенсивности в значении слов, пишет: «Вот эта-то градация и отсутствует среди модизмов (фразеологизмов — И. Т.), поскольку одной из их наиболее общих черт является именно неточность» (Касарес Х. Введение в современную лексикографию. — М., 1958, с. 244.); «Ассоциации, которые возникают при восприятии удачных сравнений, — в противовес ему утверждает А. И. Федоров, — скажут значительно больше, чем простое, логически рассчитанное описание» (Федоров А. И. Семантическая основа образных средств языка. — Новосибирск, 1969, с. 15).

² См.: Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. — М. — Л., 1965, с. 18—25.

ЛЬОНГ ВИНЬ ТХИНЬ

ОБ ОРУДИЙНОСТИ КАК ЯЗЫКОВОЙ КАТЕГОРИИ

Язык и мышление, являясь отражением объективной действительности, «связаны не как форма и содержание, а как самостоятельные феномены, каждый из которых имеет свою специфическую форму и свое специфическое содержание»¹. Изучение грамматических категорий, центральных компонентов языковой системы, в тесной диалектической связи с изучением общелогических категорий позволило бы глубже вскрыть механизм языковых значений. В лингвистической литературе этой проблеме посвящено много исследований, но, за редкими исключениями², они бессистемны, что мешает созданию по возможности полной картины взаимосвязи реальной действительности — мышления — языка.

Эта статья посвящена одной из важных категорий языковой системы — категории орудийности, центральное понятие которой — понятие средства, с учетом соотношения с общелогической категорией средства.

Категория средства как логическая категория еще в античности интересовала философов. Она обычно рассматривалась в соотношении с другими категориями — цели, результата, субъекта, объекта. Не имея возможности углубляться в философские рассуждения, ограничимся самыми важными интересующими нас моментами.

«Средство — это центральное звено в структуре осмысленной, полагающей и реализующей определенную цель человеческой деятельности»³. В качестве средства служат предметы, инструменты, действия не как объективно существующие предметы, но только в соотношении с

определенной целью («служит цели», по Гегелю). Даже специализированные средства существуют как средства только в отношении данной специальной деятельности (цели).

Применительно к трудовой деятельности в качестве средств служат по последовательности их развития «естественные силы» — части тела человека, простые орудия, машины, которые в высшей стадии развития включают в себя и рабочую машину, передаточный механизм, двигатель, управляющую машину. Причем в качестве средств выступают не только свойства орудий, но и свойства самих объектов труда, законы природы, следовательно, не только сила естественных и «удлиненных» (по Марксу) органов тела человека, но и сила его разума, опыта, сама его целесообразная деятельность. В более высокой форме движения (химия, общественная жизнь) уже трудно отличить средство от объекта деятельности.

Средство, таким образом, существуя лишь в целесообразной деятельности человека и будучи связующим звеном между субъектом и объектом деятельности, в отличие от других категорий, развивалось сложным, своеобразным путем. Начиная с самого субъекта, средство как бы растворяется в объекте и в высшей стадии развития становится частично и субъектом деятельности (управляющие ЭВМ).

Итак, для определения категории средства важно установить ее связь, с одной стороны, с категориями цели и результата, с другой — с категориями субъекта и объекта деятельности. Средство должно быть средством какой-либо определенной цели, средством для достижения какого-либо определенного результата. Средство является связующим звеном между субъектом и объектом, тем, что «помещается» между субъектом и объектом и служит «проводником» воздействия субъекта на этот объект (К. Маркс).

В качестве рабочего определения будем считать средством **все вещественные и невещественные компоненты целесообразной деятельности, которые субъект (человек) использует, воздействуя на объект, в процессе реализации определенной цели для достижения определенного результата.**

Известно, что язык, как и мышление, отражает реальную действительность опосредованно. Признавая примат логических категорий как элементов естественной диалектики над языковыми, мы, с другой стороны, должны подчеркнуть, что выражение языкового значения «устанавливается нормами сознания, но передается грамматическими приемами»⁴, различными в различных языках. Рассматривая выражение соотносительного с логическим понятием средства орудийного значения на разных уровнях языковой системы в целях выявить ее как языковую категорию, мы обнаружим некоторую непоследовательность и неравномерность языковой структуры, что обусловливается тем, что объективная действительность состоит из неоднородных рядов категорий (предметов и явлений, с одной стороны, и отношений, с другой), а также тем, что выражение одного и того же элемента или объективно равноценных элементов общего содержания возможно при помощи различных по своему характеру компонентов языковой структуры⁵.

1. Орудийное значение на семантико-лексическом уровне ближе всего к логическому понятию средства, передает возможность фактически любого предмета, признака, действия, явления, становится средством, которое человек может использовать в реализации какой-либо цели. И все же из этого разнообразного мира предметов и явлений можно выделить две группы: предметы, существующие как потенциальные средства, и специализированные средства, изготовленные для какой-либо специальной деятельности. В первую группу входят как предметы, существующие в естественной природе, так и продукты человеческого труда, причем они не всегда имеют четкое разграничение.

Специализированные средства — всегда продукты сознательной деятельности. Сюда входят как самые примитивные каменные орудия,

так и самые современные автоматизированные машины. Именно эта группа представляет для нас особый интерес. Хотя отбор, классификация слов-названий специализированных средств носит энциклопедический характер, они должны занять свое место в идеологических словарях, а также должны учитываться как важный экстралингвистический фактор в процессе обучения «активной лексики» языка. Особняком стоят в этом отношении пары глаголов движения, различающиеся по признаку «при помощи тех или иных средств» («без их помощи»): *ехать — идти, ездить — ходить, везти — нести, везти — вести*. Но количество таких глаголов невелико, и такое различие не носит регулярно характера, ср: *плыть, лететь, катить*.

2. Яркий языковой характер выражения орудийное значение находит в грамматике на словообразовательном и синтаксическом уровнях. В морфемном составе слова нередко можно выявить его орудийное значение. На это указывают, главным образом, суффиксы производных слов. Например: *предохранитель, обтекатель, тягач, сеялка, мясорубка, точило, умывальник, носилки, щипцы, спальня, караулка, читальня-читалка*⁶.

С точки зрения языкового оформления заметим, что суффиксы как носители словообразовательных значений указывают на орудийное значение по-разному в словах разных лексико-грамматических классов, в зависимости от их общекатегориального значения. Так, в существительных, носителях значения предметности, суффикс в сочетании с мотивирующей основой вместе обозначает средство, предназначенное для какой-либо цели; в глаголах, носителях значения процессуальности, средство действия выражается только мотивирующей основой; а в прилагательных, отражающих признак предмета, процесса или другого признака, орудийное значение передается двояко: в прилагательных со значением «сделанный из чего-либо», «производимый посредством чего-либо» — мотивирующей основой. Мотивирующая основа прилагательных со значением «производящих действие», «предназначенный для действия» передает только цель, средство же этой цели получает выражение «вне предела» прилагательного: в существительном, которое оно определяет.

Изучение содержательной стороны словообразовательных элементов в тесной связи с отражаемой действительностью и с учетом всех их системных связей (полисемия, омонимия, синонимия, антонимия) позволило бы полнее представить картину отражения реальной действительности языковыми элементами, а также эффективнее разрабатывать так называемую «активную грамматику» языка.

3. На синтаксическом уровне, в отличие от лексического и словообразовательного уровней, где слова обозначают предметы, явления как «средства в возможности», в словосочетании и в предложении орудийное значение указывает на средство как таковое, так как только в синтаксисе устанавливается отношение между предметами, явлениями. Здесь выражается связь между субъектом и объектом в реализации цели для достижения результата⁷.

В лингвистической литературе орудийное значение изучалось главным образом при исследовании творительного падежа. На основании учета исторического развития частных орудийных значений, а также их семантических различий один из исследователей творительного падежа Д. С. Станишева выделяет три группы творительного инструментального: творительный орудия, творительный средства и творительный вспомогательного материала и содержания⁸. Дальнейшая дифференциация орудийного значения происходит на основе учета грамматических признаков глаголов — стержневых слов (переходный — непереходный) и лексико-семантического значения зависимого существительного, степени адвербиализации. Так, в первой группе выделяются творительный орудия при переходных глаголах, где орудие выражается существительными вещественного значения, существительными отвлече-

ченного значения, названиями частей тела или органов чувств человека или животного, творительный орудия при непереходных глаголах, творительный орудия при глаголах, обозначающих состояние. Кроме того, выделяются творительный инструментальный образа действия и творительный тавтологический с определением и без него.

Автор другой значительной работы «Синтаксис русского творительного» Р. Мразек, считая инструментальное значение обстоятельственным, а не объектным, на основании учета связи субъекта — средства — результата и предметного характера средства выделяет творительный прямого средства и творительный косвенного средства⁹. В качестве прямого средства у него выступают интегральные части субстанции производителя действия, орудие в узком смысле слова, другие конкретные средства, абстрактные средства, в качестве косвенного средства — прием, метод и посредник, посредничество.

Орудийное значение — одно из древних значений творительного падежа. В современном русском языке выражение орудийного значения не ограничивается только творительным падежом и имеет довольно широкий диапазон. Предложно-падежные конструкции, являясь синтаксическими синонимами форм беспредложного творительного, в отдельных случаях выступают как его варианты-конкуренты, в большинстве же случаев — как единственно возможный способ выражения этого значения (ср.: *стрелять пушкой — стрелять из пушки и стрелять из рогатки, ехать поездом — ехать на поезде и ехать на лошади, передавать по радио, печатать на машинке, варить уху из ершей, сообщать через друга*). Это подтверждает и частичный показ синонимичных конструкций в тех же указанных работах.

Вопрос об объеме и классификации частных орудийных значений, по нашему мнению, тоже не нашел в лингвистике удовлетворительного решения. Трудности заключаются в самом определении этого значения, в выявлении взаимоотношений с другими близкими и взаимопроницаемыми значениями (объектное, образа действия, условное, причинное и др.), в разработке критериев разграничения значений внутри категории. Однако существование орудийного значения и расширение его и в плане содержания, и в плане выражения — несомненный факт синтаксиса. И именно на этом уровне оно получает самый яркий и четкий языковой характер. И так как «сфере синтаксиса специально принадлежат те языковые единицы, которые непосредственно служат для общения людей и непосредственно соотносят сообщаемое с реальной действительностью»¹⁰, этот фрагмент языковой системы требует наиболее углубленного исследования.

4. В речи орудийное значение может выражаться контекстуально. Так, ситуация «Парня ранили ножом» может передаваться по-разному: *Парня ранили ножом; У парня ножевые раны; Использовали нож, нанося парню раны; Выхватили нож и поранили парня; Нож зацепился за ремень и только поцарапал парня; Искали, чем парень был ранен, и нашли вблизи нож; Нож, вот чем парня ранили; — Чем парня ранили? — У них был нож.*

В общении для передачи значения средства, как видно из приведенных примеров, прибегают ко всем разнообразным языковым средствам. Это могут быть лексические, словообразовательные, синтаксические единицы. Это может быть ситуационная констатация. Орудийное значение может представлять определенный интерес на уровне сложного предложения (в том числе и бессоюзного) при установлении смысловых отношений между компонентами составных частей.

Мы считаем приемлемым следующее определение категории орудийности: **категория орудийности — это языковая категория, обнаруживающаяся в свойстве предметов, явлений действительности быть средством осуществления какого-либо действия, а также в отношении данного предмета, явления в качестве средства к этому действию.**

¹ Крушельницкая К. Г. Грамматические значения в плане взаимоотношения языка и мышления.— В кн.: Язык и мышление. М., 1967, с. 216.

² См.: Панфилов В. З. Философские проблемы языкознания.— М., 1977.

³ Философская энциклопедия, т. V, с. 123.

⁴ Мещаннов И. И. Соотношение логических и грамматических категорий.— В кн.: Язык и мышление, с. 9.

⁵ См.: Мельничук А. С. О роли мышления в формировании структуры языка.— В кн.: Язык и мышление, с. 85.

⁶ См.: Русская грамматика.— М., 1980, т. 2, с. 259.

⁷ См.: Крушельницкая К. Г. Указ. соч., с. 217.

⁸ См.: Творительный падеж в славянских языках.— М., 1958, с. 76.

⁹ См.: Мразек Р. Синтаксис русского творительного.— Прага, 1964, с. 31.

¹⁰ Русская грамматика, т. 2, с. 5.

Л. И. МОРАРУ

ОСНОВНЫЕ ТИПЫ ЧЛЕНИМЫХ ПАРОНИМОВ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Паронимы являются составной частью словарного фонда, а паронимические отношения — один из видов парадигматических отношений в лексической системе языка. В языке паронимы существуют наряду с синонимами, омонимами, антонимами и вариантами слов. Эти категории слов характеризуются и общими, и отличительными чертами.

Авторы, исследующие проблемы паронимии, по-разному интерпретируют это явление. Одни включают в круг паронимов родственные и неродственные слова, которые внешне сходны друг с другом, т. е. кладут в основу классификации формальный признак. Другие учитывают и формальный, и семантический признаки¹. По нашему мнению, паронимы — это однокорневые членимые слова, близкие по своей структурной и фонетико-орфографической формам, относящиеся к одному логико-грамматическому ряду, частично совпадающие в значениях, но неодинаковые по сферам употребления. Паронимы являются двусторонними единицами лексической системы языка и для них характерно единство формы и содержания. Поэтому при классификации паронимов учитывается и форма, и содержание.

Формальный признак, который выделяет паронимы в особую группу лексических единиц — это их неполное звуковое тождество. По признаку фонетической и морфологической цельнооформленности/раздельнооформленности проанализируем слова-паронимы, являющиеся цельнооформленными лексическими единицами, например: *alternance / alternative*. Речь пойдет только об однокорневых паронимах. Среди них по формальному признаку мы выделяем несколько подгрупп, отличительными элементами которых являются: приставка (*enduré / induré*); основа — приставка-основа (*migration / émigration*); суффикс (*ajustage / ajustement*); основа — основа-суффикс (*difficile / difficileux*).

По количеству слогов мы распределили паронимы на две группы. I. Равносложные паронимы: из двух слогов (*laineux / lainier*); из трех (*populaire / populaireux*); из четырех (*maturation / maturité*); из пяти слогов (*documentaliste / documentariste*). II. Неравносложные паронимы (*intégralité / intégrité*).

Функционирование паронимов и особенности их формообразования зависят еще от того, средствами какой части речи оформлено данное содержание. В зависимости от принадлежности к той или иной части речи мы выделяем: паронимы-существительные (*raffinage / raffinement*); паронимы-прилагательные (*ennuyant / ennuyeux*); паронимы-глаголы (*curer / écurer*); паронимы-наречия (*artistement / artistiquement*).

В системе паронимов французского языка больше всего имен прилагательных и существительных, реже встречаются паронимы среди глаголов и наречий. Паронимы, которые принадлежат одной части речи, определяются нами как лексические. Например: *engrassation / engraissement* — оба являются существительными. А те, которые относятся к разным частям речи, названы лексико-грамматическими паронимами (*laineux / la-*